

**Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник научных статей

ВЫПУСК 8

Ижевск 2009

УДК 81(063)
ББК 81.Оя43
А 437

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Т.И.Зеленина

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Актуальные проблемы лингвистики: сб. науч. статей. Вып. 8 /сост. и
отв. ред. д.ф.н. А.Х.Мерзлякова. – Ижевск: УдГУ, 2009. – 242с.

Сборник содержит статьи лингвистов и филологов вузов России и
других стран. Материалы сборника адресованы специалистам в области
лингвистики и филологии, преподавателям, аспирантам, студентам.

УДК 81(063)
ББК 81.Оя43

© Мерзлякова А.Х., составление, 2009
©ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2009

8. Левицкий Ю.А. Грамматика современного английского языка. – Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 1997. – 100 с.
9. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 2001. – 236 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
11. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
12. Danes F. A three level approach to syntax// Travaux linguistiques de Prague, 1964, №1. – P.225-240.

Широких Е.А.

Удмуртский государственный университет

КОНЦЕПТЫ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: концепт, грамматические категории, определенность, неопределенность, детерминация, когнитивный аспект, лингвокультурный аспект.

Аннотация: В статье рассматривается лингвокультурная специфика грамматической категории определенности-неопределенности, а также особенности ее отражения в двух языках. Подчеркивается, что языки фиксируют в грамматике наиболее существенные концепты для культуры народа, степень развернутости категории свидетельствует о значимости выражаемого признака для данной лингвокультуры.

Известно, что хотя все народы мира образуют единое человечество, разница между отдельными культурами, народами, социальными группами носит порой существенный характер. Продуктивной представляется идея, состоящая в выделении более специфичных и более универсальных фрагментов бытия, получающих отражение в языке.

Полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое. Различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира. Объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа. Кроме того, подчеркивается, что важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие

номинативной плотности (т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, сложные смысловые оттенки обозначаемого).

В то же время два языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности [Сепир 1993: 261]. Большинство универсальных оппозиций находят выражение в языке; но многие лингвисты признают, что нет необходимости в том, чтобы каждый язык выражал все понятийные категории, свойственные языку вообще и при этом теми же категориями.

Отмечают, что категории формируются вокруг концептов, т.е. «концепт» – это понятие более широкозначное, чем «категория». Вопрос о лингвокультурной специфике грамматических категорий (ГК) постоянно находится в центре внимания языковедов. Некоторые ученые выделяют формальные и содержательные категории: первые никак не отражают национально-культурное своеобразие в картировании мира (по крайней мере, на современном этапе), а вторые, несомненно, обладают культурной спецификой и поэтому в значительной мере определяют поведение людей, пользующихся именно этим языком [Карасик 2002: 206].

Лингвокультурное изучение языков дает множество доказательств в пользу того, что языки фиксируют в грамматике наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа, либо значимо их игнорируют. Так, говоря о категории определенности-неопределенности, известно, что в ряде языков выделяются артикли, назначение которых состоит в тематизации (ремаатизации) обозначаемой сущности (предмета, качества, события), т.е. представления этой сущности как известной (неизвестной) участникам общения. Наряду с этим в некоторых языках выделяется особый вид действия, происходящий в данный момент на наших глазах, как, например, континуальный вид в английском. В этом смысле можно сказать, что в английском языке существует «суперкатегория определенности», распространяющаяся на именное и глагольное обозначение действительности. Значимость этой категории в межъязыковом сопоставлении может быть измерена: есть языки, где эта категория представлена наиболее развернуто (английский), менее развернуто (только применительно к артиклю (немецкий) и не представлена формально (русский)).

Максимальная степень развернутости категории свидетельствует о том, что эта категория обозначает приоритетный для данной лингвокультуры признак. По мнению В.И.Карасика, этот признак состоит в том, что английский стиль общения резко смещен в сторону актуализации активности адресата в процессе общения по сравнению, скажем, с русским. Адресат в англоязычном общении постоянно должен держать в поле зрения информацию о том, что нечто происходит именно здесь и сейчас, а не вообще. Отсюда и внимание к обозначению времени, к ощущению времени, и даже к маркированным в англоязычной культуре признакам «старый –

новый» [Карасик 2002: 209]. Англичанин постоянно подчеркивает свое отношение к тому, что происходит, определяет релевантность происходящего в терминах определенности-неопределенности, значимости для данного момента. Для русского менталитета эти характеристики вряд ли являются приоритетными. Гораздо важнее подчеркнуть, как разворачивается действие. Отсюда, как отмечает В.И. Карасик, имперсональность русской лингвокультуры. При этом грамматическое воплощение концепта свидетельствует об этноспецифическом осмыслении действительности.

У. Чейф предложил когнитивную интерпретацию давно занимавших лингвистов категорий определенности-неопределенности и данности-новизны языковой информации на основании представлений о структуре памяти и происходящих в ней процессах поиска, активации и деактивации информации. Традиционно эти категории трактовались через обращение к речевому контексту; У. Чейф предложил понимать определенность (выражаемую в артиклевых языках артиклями) как сообщение говорящего о своем предположении, что слушающий в состоянии найти в своей памяти уникальный концепт, соответствующий определенной именной группе, а данность (выражаемую, прежде всего, порядком слов и интонацией) как сообщение говорящего о своем предположении, что соответствующий оформленному как данное фрагменту высказывания концепт или концептуальный комплекс активирован в сознании слушающего. Обе грамматические категории, тем самым, предстали как имеющие, прежде всего, когнитивную основу, тогда как присутствие в предшествующем контексте – это только один из многих способов установления данности и определенности [Chafe 1970]. Начиная с 1980-х годов такая трактовка стала наиболее распространенной.

Категория детерминации, которая актуализируется в оппозиции «определенность-неопределенность», является категорией антропоцентрической природы: человек наделяет предмет таким признаком в зависимости от степени его познанности. Именно при помощи языка люди проводят границу между предметами и явлениями, которые известны собеседникам (следовательно, соотносящиеся с ними понятия относительно независимы и определены) и теми, которые неизвестны и новы. Следовательно, в языке должны существовать средства, разграничивающие и показывающие разницу между словами, обозначающими такие предметы и явления. Данные средства будут выражать определенность или неопределенность понятий, выраженных данными словами, и соотносить язык и действительность.

Как отмечает Ф.-Д.В. Якубович, в языках, где существительное может выступать в сопровождении артикля, обычно отмечается наличие ГК определенности–неопределенности [Якубович 1977: 68]. Нельзя не согласиться с данным утверждением, но возникает вопрос, только ли в языках, где существует артикль, отмечается наличие данной категории?

Очевидно, нет. Рассмотрим для примера английский и русский языки. Как известно, в английском языке существительное обязательно сопровождается детерминативом (артиклем и т.д.), а в русском языке категории артикля не существует. Если следовать утверждению Ф.-Д.В. Якубовича, то можно заключить, что в русском языке нет особой ГК определенности-неопределенности.

Действительно, в английском языке существительное лишь тогда начинает выполнять свои функции и вообще что-то означать, когда оно оформлено артиклями или другими детерминативами. Это отмечает и К.Г. Крушельницкая, утверждая категориальный характер значений, выражаемых артиклями, что доказывают следующие факты: существительные в английском языке обязательно употребляются с артиклем; эти формы выражают определенные значения, которые входят в грамматическую характеристику каждого имени существительного, употребленного в предложении; эти значения связаны с общей семантикой существительного как части речи, с его «предметностью»: они характеризуют предмет как определенный или неопределенный; определенность и неопределенность представляют собой однородные, но противоположные значения, что и является обязательным признаком всякой грамматической категории части речи [Крушельницкая 1968: 48].

Наличие «единства взаимоисключающих противоположностей» в рамках данной категории представляется нам важнейшим для отнесения КОН в английском языке к ГК. Своеобразие КОН подчеркивается в классификации В.В. Богданова, который рассматривает КОН как безусловно семантическую категорию, отмечая ее роль в актуализации существительного. В.В. Богданов подчеркивает ее грамматический характер, отмечая, что своеобразие любой ГК проявляется в том, что ее значение должно выражаться в тексте всегда, независимо от того, есть ли в этом реальная необходимость, в то время как при отсутствии соответствующей категории данное значение выражается только тогда, когда это совершенно необходимо для коммуникации [Богданов 1977: 113].

Остается вопрос о других средствах выражения категории определенности-неопределенности, существующих в английском языке, кроме артиклей и выражении определенности – неопределенности в русском языке. Как отмечает Ф.-Д.В. Якубович, даже для артиклевых языков связывать определенность – неопределенность только с артиклем не совсем верно. Артикль – это служебная часть речи, являющаяся основным определителем имени существительного, но не единственным. «Артикль может считаться условной моделью категории определенности – неопределенности, но сам по себе не составляет особой категории и не может быть объяснен вне системы детерминативов» [Якубович 1977: 69]. В английском языке конституэнтами поля определенности-неопределенности являются лексические средства (все остальные детерминативы). Всем

конституэнтам данного поля свойственны два противопоставленных значения: выраженной и невыраженной определенности, формирующих два микрополя – определенности и неопределенности. Грамматические средства выражения данной категории (определенный и неопределенный артикли) образуют грамматическую категорию, которая входит в функционально-семантическое поле (ФСП) в качестве ядра. Лексические средства находятся на периферии данного ФСП.

Нам представляется, что ФСК определенности-неопределенности может претендовать на универсальный характер, так как существует во всех языках, хотя и не везде опирается на ГК, что вполне допустимо. Ю.А. Левицкий отмечает, что артикль входит в систему определителей. Системы определителей есть во многих языках, в том числе и в русском языке, то есть в русском языке отсутствует лишь один из способов выражения данной категории (артикль) [Левицкий 1973: 11].

В безартиклевом русском языке для выражения определенности-неопределенности используются как лексические, так и грамматические средства. Однако, грамматические средства (падежи, порядок слов) не являются категориальными средствами выражения определенности-неопределенности, поскольку эти значения являются для этих форм вторичными, не образующими регулярных противопоставлений в рамках грамматической категории.

Роль падежей, как грамматических средств выражения определенности-неопределенности, отмечалась еще А.А. Реформатским, указывавшим на различное с точки зрения КОН употребление винительного и родительного падежа при отрицании. Употребление винительного падежа (*я не вижу книгу*) указывает на определенность предмета (имеется в виду какая-то известная слушателю книга), употребление родительного (*я не вижу книги*) – на неопределенность объекта (имеется в виду книга, неизвестная слушателю) [Реформатский 2001: 293-300]. В английском языке в данном случае используется определенный или неопределенный артикль. К.Г. Крушельницкая также указывает на связь прямого дополнения в родительном или винительном падеже (не в случае отрицания) с известностью или неизвестностью предмета для слушающего: *Принеси воды/воду*. Однако, как она отмечает далее, эта дифференциация форм прямого дополнения в зависимости от определенности – неопределенности – это лишь частный случай, ограниченный небольшим количеством слов (имен вещественных) [Крушельницкая 1968: 52].

Порядок слов также является важным грамматическим средством выражения КОН в русском языке. По мнению С.Д. Кацнельсона, порядок слов часто используется для ввода нового для слушателя предмета: имя такого предмета в функции подлежащего ставится, как правило, после глагольного предиката [Кацнельсон 1972: 37]. Как отмечает Т.М. Николаева, в русском языке конечная позиция обычно связывается с неопределенностью

(Он отдал жене подарок), а не-конечная – с определенностью (Он отдал подарок жене) [Николаева 1998: 349]. Роль порядка слов для выражения определенности-неопределенности отмечают и другие исследователи.

Наряду с грамматическими средствами в их несобственных (некатегориальных) значениях, для выражения определенности-неопределенности в безартиклевых языках широко применяются лексические средства. Например, в русском языке для этой цели используются неопределенные местоимения с частицами *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *кое-*, местоимение *некоторый*, а также слова *один*, *известный*, *данные*, указательные местоимения *этот*, *тот*, словосочетания типа *тот самый*, *упомянутый ранее* и т.д., а также местоименные частицы *-от*, *-та*, *-то*, *-те* после слова (*дом-от*, *изба-та*, *окно-то*, *грибки-те*). Интересно, что подобное постпозитивное употребление частиц в некоторых русских говорах напоминает болгарский суффигированный артикль *-та*: ср. *гората* («лес» + артикль «-та»), *зелената гората* («зеленый лес»). К.Г. Крушельницкая также говорит о постпозитивной частице *-то*, называя ее остатками постпозитивного артикля в русском языке, которая употребляется иногда в разговорной речи для указания на известность предмета для слушающего (*Передай книгу-то!*). Но разница между ней и артиклями очевидна, поскольку употребление *-то* ограничено стилистически – разговорной речью. Но и здесь она употребляется не при каждом существительном, а в основном лишь при том, в котором содержится «тема» сообщения. А с другой стороны она может стоять не только при именах существительных, но и при местоимениях, наречиях, прилагательных, инфинитивах и даже личных формах глагола (*пришел-то*, *так-то*, *книгу-то* и т.д.) [Крушельницкая 1968: 53].

Русские местоимения, будучи лексическими единицами, имеют значительно более конкретные, а тем самым более ограниченные значения, чем формы артикля, которые мы признаем грамматическими формами, выражающими обобщенные грамматические значения. Обычно местоимения передают значения определенности и неопределенности в разной степени, дополняя их при этом своим собственным лексическим значением. Однако некоторые исследователи выделяют особо слова *один* и *этот*, как обладающие артиклевым значением. Так, по мнению В.В. Гуревича, слово *один* «само по себе уже достаточно многозначное, обнаруживает еще и тенденцию к употреблению в особом грамматическом значении – артиклевом» [Гуревич 1968: 63]. Однако, как отмечает ученый, это лишь тенденция, обнаруживающаяся в определенных условиях, и факультативность использования слов *один* и *этот* в роли артикля подтверждается тем, что подобную функцию в русском языке могут выполнять и другие средства.

Кроме того, неоднократно утверждается связь значений определенности-неопределенности имени и его просодической выделенности

или невыделенности. При этом менялись терминологии, но суть оставалась неизменной: определенное (известное, упомянутое, детерминированное, тематическое) – безударно; неопределенное – акцентно выделено (А. Шведек, Р. Харвег). Мысль об оппозиции ударности-безударности как формальном средстве передачи содержательного противопоставления известности-неизвестности высказывалась много лет назад В. Матезиусом, который развивал понятие сильного ударения, падающего на слово, выражающее важную, новую информацию, и отмечал неотмеченность этим ударением односложных слов, уже известных из контекста или из ситуации. Однако непосредственной и прямой зависимости между определенностью-неопределенностью имени и акцентным выделением в безартиклевых языках нет [Николаева 1979: 170].

Таким образом, мы склоняемся к более широкому рассмотрению категории определенности-неопределенности, поскольку семантическое пространство некоторой семантической категории не перекрывается лишь грамматическими формами, и остается возможность использования других средств, не обязательно грамматических, но и лексических, просодических и т.д. В разных языках существуют различные способы передачи данной категории: при помощи артиклей, порядка слов в предложении, падежных форм и т.п. Также необходимо отметить, что системы определителей существуют во многих языках, даже в тех, в которых нет артикля, поскольку артикль – это далеко не единственный определитель существительного, что дает возможность разделить языки на артиклевые и безартиклевые.

Литература:

1. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.
2. Гуревич В.В. Есть ли артикли в русском языке? // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 57-59.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
5. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М.: Изд-во лит. на ин. Яз, 1968. – 265 с.
6. Левицкий Ю.А, Погудина Э.Б., Шутов И.И. Система определителей (на материале английского, немецкого, французского языков). – Пермь, 1973. – 71 с.
7. Николаева Т.М. Категория определенности-неопределенности // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 349.
8. Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения

категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. – С. 119-175.

9. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 198 с.
11. Якубович Ф.–Д.В. О категории детерминации – индетерминации (на материале английского языка) // Филологические науки. – 1977. – № 2. – С. 68-77.
12. Chafe W.L. Meaning and the Structure of Language. – Chicago–London, University of Chicago Press, 1970. – 360 p.

Шмелева Т.С.
Удмуртский государственный университет

О ПОНЯТИИ АСИММЕТРИИ В ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: язык, языковая симметрия, языковая асимметрия, означаемое, означающее.

Аннотация: в статье рассматривается понятие асимметрии, ее виды и проявление в языке.

Начиная с 30-х годов XX века категории симметрии и асимметрии вошли в активный обиход в лингвистике. Было обнаружено, что симметрия и асимметрия проявляются по-разному в общей системе языка и в различных его подсистемах. "Вопрос о формах их проявления в системе языка имеет не только конкретное, практическое значение, но и общелингвистическое, теоретическое значение, так как его решение связано с установлением имманентных свойств языка и динамических факторов в его развитии" [Шапкин 1967: 6]. В связи с этим В.А. Карпов подчеркивает: "Асимметрия существует лишь как другая сторона явления и предполагает соответствующую ей симметрию и наоборот, равно как и то, что упорядоченность/неупорядоченность и повторяемость/неповторяемость непредставимы одна без другой. Пока же отметим, что коль скоро в деятельности мозга исследователи обнаруживают функциональные параметры в виде симметрии/асимметрии, то и в функционировании языка-системы эти характеристики должны обнаружиться с необходимостью" [Карпов 2003: 23]. Далее В.А. Карпов добавляет: "Асимметрия - необходимое дополнение и противоположность симметрии" [Карпов 2003: 299].